ИЯ НИНИДЗЕ: ЛАСТОЧКА на ШУРУПАХ

МК-ВОСКРЕСЕНЬЕ Она стала кинозвездой в детстве. В 15 лет Ия сыграла свою коронную роль в мюзикле Леонида Квинихидзе "Небесные ласточки". Грузинская девочка из балетного училища была как две капли воды похожа на Одри Хепберн. Ее учитель во ВГИКе Сергей Бондарчук говорил: "Родилась бы ты пораньше — моя Наташа Ростова". Жалеет, что не сыграла Анну Павлову в фильме Эмиля Лотяну. Лотяну ее пробовал. Зато в 23 Ия опять выстрелила как из пушки — гениально сыграла в великом фильме Тенгиза Абуладзе "Покаяние". Полтора года назад на репетиции спектакля в московском театре "Летучая мышь" ей на ногу упал кусок декорации. Шесть месяцев "небесная ласточка" провела на костылях, почти в полной неподвижности. Живет в Москве в коммуналке с дочкой Ниной. На маленькой общественной кухоньке мы и разговариваем. — Ия, каким было ваше детство? Мне кажется, у грузин оно всегда особое... — Да, потому что я родилась в Тбилиси. В доме было 7 комнат. Я помню этот дом — как замок, как Эрмитаж. Черный рояль, бабушка-княжна ходила в кружевах. Мама моя — Трубецкая-Ганская, персиковое лицо, фиолетовые глаза. В семье все было пропитано красотой — начиная с постельного белья, скатертей, вещей. — Кто ваши родители? — Мама — филолог, преподаватель русского языка и литературы, папа — режиссер телевидения. Мама закончила консерваторию, потрясающе пела. Ее родственница — Нани Брегвадзе, это моя тетя. Мама все время надеялась, что и я запою. — А вы — в балет? — Я ребенком начала не ходить, а сразу танцевать. Я ходила на полупальцах. Мама рассказывала: "Ты спала и танцевала". В 3—4 года уже было ясно, что девочку надо отдавать в балетное. "Неугомонная, — говорила мне бабушка, — успокойся, что за ртуть в тебе?.." — Вы закончили хореографическое училище? — Вначале — балетный кружок, потом — училище. Я еще застала великого Вахтанга Чабукиани. Он даже поставил мне танец. Я заполняла паузу между номерами уже взрослых учениц. Была, как Анна Павлова — кленовый листочек. Я только разучивала пуанты, 11 лет, — это был шок. — Если бы не ваша карьера в кино, как бы могла сложиться ваша балетная судьба? — Могла бы очень хорошо сложиться. У меня были успехи. Но я закончила училище и сразу поступила во ВГИК, потому что у меня накопилось уже огромное количество фильмов. — Сколько вам лет было, когда вы снялись в первый раз? — Семь. Мой крестный отец в кино — Георгий Данелия, это был фильм "Не горюй!". Нашел он меня в балетном кружке. Как в сказке, в репетиционный зал вошел человек в кепке, джинсовой куртке — типичный образ кинорежиссера. Я была самая маленькая, с большой челкой, большими ушками, ножки — цапли. Когда я озвучивала, меня ставили на стульчик. — Как одноклассники реагировали, что с ними учится девочка, которая снимается в кино? — В классе со мной даже не разговаривали. Антипатия была. Успех никогда не прощается. Даже сейчас: прошло столько лет, я была в Тбилиси на одной свадьбе, там была моя одноклассница — она даже не подошла. Как ненавидела люто в школе, так и осталась ненавидеть. Ненависть — она, конечно, сжигает людей. Даже когда я поступала во ВГИК, стояла у дверей и услышала за спиной: "Ну, естественно, она поступит. Она же в "Небесных ласточках" снималась". Я же на людях с 7 лет. Это очень непросто... — У кого вы учились? — У Бондарчука и Скобцевой. Когда поступала, я параллельно снималась. Леонид Квинихидзе снимал по "Щелкунчику" фильм "Орех Кракатук". Марис Лиепа — Щелкунчик, я — Маша, Гердт — царь мышей. Ира Понаровская играла фею — с тех пор мы с ней и дружим. Куда подевался этот фильм?.. Кстати, когда я поступала, Сергей Федорович был в шоке, что у меня на руке — обручальное кольцо. — Вы рано вышли замуж? — Когда я вышла замуж первый раз, мне было 17 лет. — А сколько раз, простите, это было? — Три. Я три раза была замужем. Моим первым мужем был сын Софико Чиаурели и Георгия Шенгелая, внук Верико Анджапаридзе Николай, Никуша. Мне было 17, ему — 19. Я с ним обручилась в 16 лет, когда заканчивала школу. В куклы я играла еще. Я их раскладывала по постелькам, накрывала. У меня под роялем был кукольный дом. Я в приданое взяла куклы... — А жили вы в знаменитом доме Верико Анджапаридзе? — Да, в этом самом доме на Горе Раздумий. Я еще застала Верико. Через два года мы с Никушей развелись. У меня остались очень хорошие отношения и со свекровью бывшей, Софико Чиаурели, и с Никушей. Это был, конечно, очень ранний брак... — А кто второй муж? — Второй — отец моего сына. Он бывший актер, закончил курс Евгения Матвеева во ВГИКе — Сергей Максачов. Я познакомилась с ним уже после ВГИКа, на кинопробах. Сережа сейчас в Совете Федерации, в администрации Руцкого. Он — настоящий отец, папа. Добрый человек. Нашему сыну Георгию — 15 лет. Он сейчас с папой живет, уже 4 года. — Это как у французов? — Это не по-французски — это по-человечески. В Тбилиси по сей день нет горячей воды и света. Мне было страшно за сына. Имея Сергея, хорошего отца, я могла не беспокоиться за сына. Он даст ему хорошее образование. У Сергея молодая жена, двое детей, но они с мудростью отнеслись к этой ситуации. Сын ко мне каждую неделю приезжает, и мы с ним сладко общаемся. Сейчас поступает в Суворовское училище. — А почему развелись? — Я в Тбилиси жила, он — в Москве. Мы встречались. Надо было быть с ним рядом. Он — молодой, красивый, статный. Естественно, одна девочка, вторая... До меня это доходило. А у меня мама умирала, раком болела, я не могла так часто туда-сюда ездить. А кто умнее оказался меня, тот чаще бывал рядом... — Коммуналка, в которой вы живете в Москве, как возникла? — Это мне ее предоставил Сережа. Две комнаты — наши, то есть мои и моей дочки Нины от третьего брака. Мы с Ниночкой в одной комнате, в другой — моя подружка Марина, она преподает рисование, и еще у нас собака Дуся. В Грузии осталась квартира. В ней никто не живет. У меня ведь никого не осталось. Такая большая семья была — и все умерли. В один момент все рухнуло. Бабушка, дедушка, мама, тетка моя незамужняя... У меня всегда так в жизни: то взлеты, то падения. Золотой середины нет. Удивительные вещи — кино и время! Я по фильмам вспоминаю, что происходило в моей жизни: тут ты разводишься, тут рожаешь, любишь — не любишь... — А когда в "Покаянии" снимались, что это был за период? — Потрясающий! Я была женой Сергея. Мне было 23 года — я играла 45-летнюю женщину! В 25 лет я родила Георгия. На озвучании я уже беременная ходила. Потрясающее время — когда любишь, когда любят... И между режиссером Тенгизом Абуладзе, и между мужем. У меня не было простоев. Такого, как сейчас, никогда не было. Но такого фильма, как "Покаяние", уже не будет, потому что должен воскреснуть такой Абуладзе. — Как же вас Абуладзе решился снимать, такую молоденькую? — Я выросла на студии "Грузия-фильм", на глазах у всякого грузинского режиссера. Это иначе, чем у русских режиссеров. У вас соседа можно не знать — у нас этого нет. Это сейчас все закрылись от холода и зноя в свои каморки, только летом на улице встречаются... Я выросла на глазах Тенгиза Абуладзе. Он хотел, чтобы я снялась в его фильме "Древо желания". Мне было 14—15 лет. А меня утвердили уже на "Ленфильме" в "Небесных ласточках". Я возьми ему и скажи. Он развернулся и ушел. На 10 лет. Он не здоровался со мной 10 лет. Я не могла представить себе даже, что буду у него сниматься. Вот так бывает. Переждать надо. Все надо выждать. В один прекрасный день он просто зашел ко мне в гримерную в театр им. Шота Руставели после премьеры, обнял, поздравил и ушел. Через два дня мне позвонили со студии... — А после "Покаяния" что-то было? — Я снималась, были фильмы. А потом вдруг кино умерло. А потребность — осталась. В хорошей работе, хорошей режиссуре... Я не испорченная актриса. Меня как в детстве хорошо вырастили, такая я и сейчас. Я не могу, когда не так дотрагиваются. Потому я и уходила от своих мужей, когда что-то не то получала. Я не хочу себя портить. Не хочу — и все! А был очень тяжелый период. Тетя в 39 лет, не замужем была, умирает от рака, потом заболевает и умирает бабушка, сразу за ней уходит дедушка. Все начинает распродаваться — красивая мебель, библиотека... Я была как шут среди этих болезней. Мама умирает — тоже от рака, а потом я вышла замуж в третий раз. Он художник-дизайнер. И у меня от него дочка Ниночка. — Как бы вы свою женскую судьбу оценили? — Я чувствую себя счастливой, потому что каждый мой ребенок зачат в любви. Для меня как для матери это огромное счастье — что я успела родить двоих детей в своей не очень легкой жизни, очень рано потеряв родителей. Господь всегда вознаграждает... — Ия, расскажите, как все-таки случилось, что на вас упала декорация в театре?.. — Гриша Гурвич, царствие ему небесное, взял меня в свой театр "Летучая мышь". В день премьеры была генеральная репетиция спектакля "Великая иллюзия". Что это было, я не могу объяснить! Потом мне сказали, что парень не удержал трос, который держал декорацию. Моя нога лежала перерубленная... — Сколько это на вас свалилось? — 300 килограммов. Второй год уже мучаюсь. Ногу просто спасали. У меня там железяка, в которой — 8 шурупов с гайками. Спасибо врачам: не понимаю, как они вообще ее собрали. Шесть месяцев я была без движения, костыли, потом — палочка. О боли вообще не говорю... — А нужна еще одна операция? — Да, обязательно. Будут доставать эту железку с гайками и шурупами и — я очень надеюсь: дай Бог, чтобы кто-то помог! — поставят швейцарскую пластину, с которой я буду опять петь, танцевать и стану той Ией Нинидзе, которую знают. У Нины Ананиашвили в колене такая пластина, но ей в Америке делали. Вот, Господь опять прислал мне испытание... Я очень много плакала в жизни, очень много раз менялась внешне. Много было трагедий... Я все слишком переживаю. Было время, когда я много курила. Мама моя курила, бабушка курила, тетя моя курила. Бабушка бросила только потому, что у нее с сердцем очень плохо стало. А я бросила, когда мне сын сказал: "Мама, пожалуйста, не кури!" Я оказалась сильным человеком. Могу сейчас пожелать себе только здоровья и потом опять подниматься вверх. Вера в жизнь — в детях. И в людях. — Вы часто в Грузии бываете? — Один мой друг, когда туда ездит, меня берет — я ему безумно благодарна! Все мои похоронены недалеко от моего дома. Я пешочком до кладбища хожу. Одна моя подруга — она верующая девочка, художница, — заказала крест из камня. На могилу мамы. Для меня это было как успокоение. — А в такой ситуации, как у вас с ногой, люди помогают или "кидают"? — Ира Понаровская помогала очень. Рядом всегда была. Моя подруга Марина. Очень многие люди. Для человека в такой ситуации что главное? Позвонить ему элементарно. Ира Понаровская в больнице, когда я в палате лежала, окна мыла. Она такая же чистоплотная, как и я. Сосо Павлиашвили букеты клумбами присылал. Мамука Кикалейшвили, золотой мой, приходил. Его теща ночь у меня в больнице дежурила и жена его Таня. Сестра моей подруги ночевала, и не один день, а несколько. Очень многие. Надо сильно любить людей, чтобы заслужить и их любовь. Надо много сеять. Я хороший урожай собрала. Гузя — моя любимая подружка Лариса Гузеева — пришла ко мне в больницу вся в слезах. Я люблю всех своих близких. Дай Бог им здоровья и многих лет жизни. И дай Бог здоровья мне. — Вы куда-то вообще выбираетесь? — Очень редко. У меня, конечно, нет богатого мужа, который купит мне билет на открытие Московского кинофестиваля или путевку на "Кинотавр", но все-таки хочется, чтобы хотя бы помнили об актерах, которые работали и не теряют надежду продолжать это делать. А самое интересное — знаешь что? Как будто я здесь не живу. Я в Москве уже пятый год. Я не зацикливаюсь на таких вещах, но все-таки не понимаю: почему как будто не замечают? В нашей стране — так, наверное, но это настолько некрасиво... Ну да Бог с этим. Я — оптимистка.